

По жалобе граждан С.В.Бородина, В.Н.Буробина, А.В.Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Определение · № 439-О · от 08.11.2005 · Конституционный Суд Российской Федерации · Действует без изменений

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по жалобе граждан С.В.Бородина, В.Н.Буробина, А.В.Быковского и

других на нарушение их конституционных прав

статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации

город Москва 8 ноября 2005 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Г.А.Жилина, М.И.Клеандрова, Л.О.Красавчиковой, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, А.Я.Сливы, В.Г.Стрекозова, О.С.Хохряковой, Б.С.Эбзеева, В.Г.Ярославцева,

заслушав в пленарном заседании заключение судьи Н.В.Селезнева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" предварительное изучение жалобы граждан С.В.Бородина, В.Н.Буробина, А.В.Быковского и других, у с т а н о в и л:

1. В связи с расследуемым прокуратурой Западного административного округа города Москвы уголовным делом 29 декабря 2004 года в порядке, установленном статьей 182 УПК Российской Федерации, на основании постановления следователя, предполагавшего, что в помещении адвокатского бюро "Адвокатская фирма "Юстина" изготавливаются и хранятся поддельные документы, был произведен обыск на рабочих местах адвокатов, а также изъят ряд документов.

Считая, что обыск в служебном помещении, используемом для адвокатской деятельности, в силу пункта 3 статьи 8 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" мог быть произведен только на основании судебного решения, адвокаты обжаловали постановление следователя в Дорогомиловский районный суд города Москвы, который, однако, не усмотрел в действиях следователя нарушений норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и оставил жалобу без удовлетворения. Постановление суда первой инстанции было отменено кассационной инстанцией - судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда в связи с ненадлежаще проведенной проверкой приведенных в жалобе доводов о необходимости применения пункта 3 статьи 8 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", и материал направлен на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе судей. При новом рассмотрении дела Дорогомиловский районный суд города Москвы, сославшись на то, что следственные действия производились в связи с уголовным делом, возбужденным не в отношении адвокатов, вторично оставил жалобу без удовлетворения.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации граждане С.В.Бородин, В.Н.Буробин, А.В.Быковский, В.В.Вакула, В.И.Гвоздзяр, В.А.Злобин, А.В.Киселев, М.А.Кривочкин, Д.С.Малюгин, А.В.Неробеев, С.Б.Петров, В.Ю.Плетнев, И.Б.Покусаев, С.В.Старовойтов, С.В.Степин, В.А.Тарасенко, Ю.А.Томашевский, С.Б.Туктамишев, Е.П.Федоров, О.А.Шаманский и Д.А.Шубин - адвокаты, входящие в адвокатское бюро "Адвокатская фирма "Юстина", оспаривают конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: статьи 7, согласно которой суд, прокурор, органы предварительного расследования не вправе применять федеральный закон,

противоречащий Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (часть первая); установив несоответствие федерального закона данному Кодексу, они обязаны принять решение в соответствии с Кодексом (часть вторая); статьи 29, определяющей полномочия суда; статей 182 и 183, устанавливающих основания и порядок производства обыска и выемки.

По мнению заявителей, названные статьи, как не предусматривающие обязательное получение решения суда для производства обыска и выемки в помещениях, используемых для адвокатской деятельности, исключают возможность применения в таких случаях пункта 3 статьи 8 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", ограничивают возможность соблюдения адвокатской тайны и тем самым влекут ущемление гарантированных Конституцией Российской Федерации права на неприкосновенность частной жизни (статья 23, часть 1), права адвоката на занятие избранной деятельностью (статья 37, часть 1) и права каждого на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48, часть 1).

2. Статья 7 УПК Российской Федерации, которая, как указывают заявители, послужила основанием для неприменения пункта 3 статьи 8 Федерального закона от 31 мая 2002 года "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" органом предварительного расследования при вынесении постановления о производстве обыска в помещении адвокатского бюро, а судом - при рассмотрении жалобы адвокатов на данное постановление и позволила произвести обыск в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона без судебного решения, ранее уже была предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

В сохраняющем свою силу Постановлении от 29 июня 2004 года N 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 УПК Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации признал, что федеральный законодатель, кодифицируя нормы, регулирующие производство по уголовным делам, вправе - в целях реализации конституционных принципов правового государства, равенства и единого режима законности, обеспечения государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовной юстиции - установить приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед иными федеральными законами в регулировании уголовно-процессуальных отношений. При этом Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что в случае коллизии законов приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации действует лишь при условии, что речь идет о правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений, поскольку в соответствии со статьей 71 (пункт "о") Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 10, 49, 50, 76 (часть 1) и 118 (часть 2) уголовное судопроизводство представляет собой самостоятельную сферу правового регулирования, а юридической формой уголовно-процессуальных отношений является уголовно-процессуальное законодательство как отдельная отрасль в системе законодательства Российской Федерации, и установление новых норм, регулирующих уголовно-процессуальные отношения, по общему правилу, должно быть согласовано с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Из сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в названном Постановлении правовой позиции следует, что приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед другими федеральными законами не является безусловным: он может быть ограничен как установленной Конституцией Российской Федерации (статья 76, часть 3) иерархией федеральных конституционных законов и обычных федеральных законов (к их числу относится и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации), так и правилами о том, что в случае коллизии между различными законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений. На необходимость учета особенностей предмета правового регулирования тех или иных законодательных актов при разрешении возникающих в процессе их применении коллизий с другими законами Конституционный Суд Российской Федерации указывал также в постановлениях

от 27 марта 1996 года N 8-П по делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации "О государственной тайне", от 27 февраля 2003 года N 1-П по делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 УИК Российской Федерации, от 23 апреля 2004 года N 9-П по делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов "О федеральном бюджете на 2002 год", "О федеральном бюджете на 2003 год", "О федеральном бюджете на 2004 год".

О безусловном приоритете норм уголовно-процессуального законодательства не может идти речь и в случаях, когда в иных (помимо Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющего общие правила уголовного судопроизводства) законодательных актах устанавливаются дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные в том числе их особым правовым статусом. В силу статьи 18 Конституции Российской Федерации, согласно которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием, разрешение в процессе правоприменения коллизий между различными правовыми актами должно осуществляться исходя из того, какой из этих актов предусматривает больший объем прав и свобод граждан и устанавливает более широкие их гарантии.

Таким образом, статья 7 УПК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу не исключает применение в ходе производства процессуальных действий норм иных - помимо Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации - законов, если этими нормами закрепляются гарантии прав и свобод участников соответствующих процессуальных действий, а потому не может расцениваться как нарушающая конституционные права заявителей.

3. Согласно статье 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Как одно из наиболее значимых данное право провозглашается в международно-правовых актах (статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, статьи 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Государство, соответственно, обязано не только обеспечить подготовку квалифицированных юридических кадров и определить квалификационные требования в отношении лиц, оказывающих юридическую помощь, на что обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 28 января 1997 года N 2-П по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 УПК РСФСР, но и создать надлежащие условия гражданам для реализации этого конституционного права, а лицам, оказывающим юридическую помощь, в том числе адвокатам, - для эффективного осуществления их деятельности.

Одним из таких условий является обеспечение конфиденциальности информации, с получением и использованием которой сопряжено оказание юридической помощи, предполагающей по своей природе доверительность в отношениях между адвокатом и клиентом, чему, в частности, служит институт адвокатской тайны, призванный защищать информацию, полученную адвокатом относительно клиента или других лиц в связи с предоставлением юридических услуг. Эта информация подлежит защите и в силу конституционных положений, гарантирующих неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны (статья 23, часть 1, Конституции Российской Федерации) и тем самым исключающих возможность произвольного вмешательства в сферу индивидуальной автономии личности, утверждающих недопустимость разглашения сведений о частной жизни лица без его согласия и обуславливающих обязанность адвокатов и адвокатских образований хранить адвокатскую тайну и обязанность государства обеспечить ее в законодательстве и правоприменении.

Ограничения названных конституционных прав, сопряженные с отступлениями от адвокатской тайны, как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 14 мая 2003 года N 8-П по делу о проверке конституционности

пункта 2 статьи 14 Федерального закона "О судебных приставах", допустимы лишь при условии их адекватности и соразмерности конституционно значимым ценностям и могут быть оправданы лишь необходимостью обеспечения указанных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целей защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Поскольку адвокатская тайна подлежит обеспечению и защите не только в связи с производством по уголовному делу, но и в связи с реализацией своих полномочий адвокатом, участвующим в качестве представителя в конституционном, гражданском и административном производстве, а также оказывающим гражданам и юридическим лицам консультативную помощь, федеральный законодатель, реализуя свои дискреционные полномочия, вытекающие из статей 71 (пункты "в", "о"), 72 (пункт "л" части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, был вправе осуществить соответствующее регулирование не в отраслевом законодательстве, а в специальном законе, каковым является Федеральный закон "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации". Данным Федеральным законом определяется понятие адвокатской тайны и устанавливаются гарантии ее сохранения, в частности в виде превентивного судебного контроля: в силу пункта 3 его статьи 8 проведение следственных действий, включая производство всех видов обыска, в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только по судебному решению, отвечающему, как следует из части четвертой статьи 7 УПК Российской Федерации, требованиям законности, обоснованности и мотивированности, - в нем должны быть указаны конкретный объект обыска и данные, служащие основанием для его проведения, с тем чтобы обыск не приводил к получению информации о тех клиентах, которые не имеют непосредственного отношения к уголовному делу.

4. Статьи 29 и 182 УПК Российской Федерации в части, касающейся определения оснований и порядка производства следственных действий, в том числе обыска, в отношении отдельных категорий лиц, включая адвокатов, не содержат указания на обязательность судебного решения в качестве условия производства обыска в служебных помещениях, используемых для адвокатской деятельности, - они закрепляют прямое требование о получении судебного решения только для производства обыска в жилище. Это, однако, не означает, что ими исключается необходимость получения соответствующего судебного решения в случаях, предусмотренных пунктом 3 статьи 8 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации".

Таким образом, статьи 29 и 182 УПК Российской Федерации не могут рассматриваться как нарушающие гарантированные статьями 23 (часть 1), 37 (часть 1) и 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации права заявителей. Что касается статьи 183 УПК Российской Федерации, определяющей основания и порядок производства выемки, то каких-либо доказательств ее применения в деле заявителей не представлено, а потому в силу статей 96 и 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" их жалоба не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Положения статей 7, 29 и 182 УПК Российской Федерации в их конституционно-правовом истолковании, вытекающем из сохраняющих свою силу решений Конституционного Суда Российской Федерации, и в системном единстве с положениями пункта 3 статьи 8 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" не предполагают возможность производства обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования без принятия об этом специального судебного решения.

В силу статьи 6 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" выявленный в настоящем Определении конституционно-правовой смысл положений статей 7, 29 и 182 УПК Российской Федерации является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

2. В части, касающейся проверки конституционности статей 7, 29 и 182 УПК Российской Федерации, признать жалобу граждан С.В.Бородина, В.Н.Буробина, А.В.Быковского и других не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителями вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" итогового решения в виде постановления.

3. В части, касающейся проверки конституционности статьи 183 УПК Российской Федерации, отказать в принятии жалобы граждан С.В.Бородина, В.Н.Буробина, А.В.Быковского и других к рассмотрению, поскольку в этой части она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", в соответствии с которыми жалоба признается допустимой.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

5. Настоящее Определение подлежит опубликованию в "Российской газете", "Собрании законодательства Российской Федерации" и "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Председатель

Конституционного Суда

Российской Федерации В.Д.Зорькин

Судья-секретарь

Конституционного Суда

Российской Федерации Ю.М.Данилов

N 439-О